

Десять гульденов

Родной Дрезден встретил Людвига Моргенштерна неприветливо: нудным моросящим дождем и неприязненными взглядами горожан. Людвиг не был удивлен. С погодой ему никогда не везло, а горожан понять несложно. В своей заношенной одежде он был похож на бродягу, и теперь даже знакомые не узнали бы в нем того бравого молодца, который два года назад, весело горланя песни, отправлялся на службу к шведскому королю. В итоге все, что Людвиг приобрел на этой службе, — зазубренное шведское перо в его руке, которое даже не оружие, а только опора для мушкета. Самого мушкета, как и пики с мечом, у него давно уже не было. Пикю и мушкет отобрали казаки гетмана Ходкевича, а меч пришлось заложить витебскому еврею.

Мысли Людвига Моргенштерна были мрачны, как и окружавший его город. Он решил покончить с карьерой наемника, бросить то, чем жил долгие годы, и заняться нелюбимой торговлей. Старик Моргенштерн, умирая, передал сыну скобяную лавку, но Людвиг ей почти не занимался, доверив торговлю компаньону отца Бамберу Шульцу. Ему же он поручил лавку, уходя на службу к королю Карлу. Теперь оставалось принять ее у Шульца и заделаться солидным бюргером. Прав был его старик: пусть судьба торговца не так увлекательна, как судьба наемника, но зато надежна. Правы и те его товарищи, кто вернулся домой сразу. Он же попытался еще. Не вышло.

«К черту войну!» — сердито сказал себе Людвиг, завернув в знакомый переулок. Пройти еще сто шагов — и там будет тупик, где и стоял отцовский дом. Пустой и заброшенный.

Впереди, посреди двора, показалась телега хромого Вилли. Сколько Людвиг помнил, хромой всегда оставлял ее здесь. Сейчас телега была без переднего колеса и стояла, уткнувшись одним концом в землю. Неужели старый ворчун умер?

Подойдя к телеге, наемник вдруг почувствовал опасность. Это было настолько неожиданно, что он даже на мгновение растерялся. Что могло ему угрожать возле родного дома? Людвиг внимательно осмотрелся, но ничего подозрительного не заметил. Почудилось? Неужели ангел-хранитель решил подшутить над ним, внушив ложную тревогу? Как и большинство наемников, повидавших свет и прошедших десятки сражений, он не воспринимал всерьез Бога, но был суеверен и безоглядно верил в ангела, хранившего его судьбу. Тот не раз спасал ему жизнь. Поэтому Людвиг затаился за телегой и стал внимательно следить за улицей. И вскоре они появились: две тени, крадущиеся в его сторону. Так ходят убийцы. Моргенштерну хорошо была знакома эта походка. Он был убийцей и сам. В этом и была суть его ремесла. И только то, что ему платил за работу не пузатый торгаш, желающий избавиться от удачливого соперника, а император, желающий расширить владения, ничего не меняло.

«Что им от меня нужно?» — недоумевал Людвиг. Вряд ли эти двое были уличными грабителями. Чем у него можно поживиться? У Людвига даже не было кошелька. Значит, они и впрямь пришли за его жизнью. Вот только кому она понадобилась? В городе было пять или шесть человек, которым наемник когда-то перешел дорогу. Но едва ли они сейчас стали бы тратить на него время и деньги. Впрочем, сейчас он все выяснит.

Когда двое неизвестных приблизились к телеге, Людвиг вышел им навстречу. Они остановились. Теперь наемник смог их рассмотреть. Это были типичные обитатели городского дна, изгои с лицами подонков, неизбежное зло любого большего города. В руках они держали большие ножи. Ножи против опоры для мушкета у Людвига. Но у шведского пера один зубец вилки сделан длинным и острым, как наконечник копья. Что, похоже, стало сюрпризом для убийц. Они не ожидали, что жертва будет вооружена. В их глазах Людвиг увидел неуверенность. Но один из них, с плешью на голове, все же решился напасть. Подбодрив себя криком, он нанес удар снизу, целя наемнику в живот. Людвиг без труда парировал нож и толчком сбил нападавшего с ног.

Второй убийца, широко замахнувшись сверху, рубанул, с намерением раскрыть наемнику голову. Людвиг увернулся, и нож убийцы глубоко вонзился в борт телеги, где и застрял. Убийца дернул его, но вытащить не успел. Реакция наемника была мгновенной: он уколол противника пером в бок, с хрустом пронзив туловище насквозь. Когда раненый, вопя от боли, упал, Людвиг проткнул ему сердце, пригвоздив тело к земле. Убийца с плешью, успев к тому времени подняться, увидел, что остался один, и счел за лучшее скрыться. Бросив уже ненужный ему нож, он побежал прочь. Людвиг, примерившись, метнул свое оружие вслед. Вращаясь в воздухе, шведское перо догнало убегающего и нижним концом ударило по голове. Оглушенный, беглец упал. Людвиг несколькими прыжками его настиг и, навалившись, придавил коленом горло. Плешивый начал хрипеть и царапать руками землю. Опомившись, Людвиг убрал ногу с шеи убийцы и резко его встряхнул:

— Кто?

Плешивый сразу понял, о чем спрашивают.

— Стражник Бамбер Шульц.

Людвиг от изумления отпустил убийцу.

— Что ты плетешь? Старина Бамбер? Как такое может быть? И почему ты называешь его стражником? Он же купец!

— Был купец. Он разорился и уже год как прячется от кредиторов под плащом городского стража.

— Разорился? Вот оно что. Похоже, все-таки не быть мне торговцем, — горько усмехнулся Людвиг. — И во сколько он оценил мою шкуру?

— Бамбер не платит нам. Зимой он спас нас от виселицы. И теперь мы с приятелем иногда помогаем ему в его делах. Так, по мелочам. На убийство он послал нас впервые.

— Не думай, что я этим польщен, — с угрозой сказал наемник, мрачно смотря на плешивого, борясь с желанием немедленно его прикончить. — Убить тебя — значит оказать услугу этому городу. Что скажешь?

— Отпусти меня, ландскнехт. К утру я исчезну из Дрездена и больше ты меня не увидишь.

— А ты нахальный подонок, — удивился Людвиг. — Ладно. Проваливай!

Когда плешивый убежал, Моргенштерн подошел к его мертвому приятелю и положил труп в телегу. Увидев нож, застрявший в ее борту, Людвиг достал его и с удовольствием осмотрел. Это был мессер — грозный боевой нож, излюбленное оружие городских забияк и ландскнехтов прошлого века. Давненько наемник их не встречал. Что ж, вероятно, он ему еще сегодня пригодится. И Людвиг стал ждать.

Тот, кого он дожидался, пришел, когда уже совсем стемнело. В начале улицы вдруг загорелась искра, которая, приближаясь, увеличивалась, пока не превратилась в пламя. Но, достигнув двора, огонь так же вдруг и исчез. Видимо, тот, кто нес факел, потушил его, опасаясь быть обнаруженным.

— Ты напрасно погасил факел, Бамбер, — иронично произнес наемник, когда человек с факелом поравнялся с телегой. — До рассвета еще добрый час.

— О мой Бог! Кто здесь? — отозвался из темноты испуганный голос.

— Не пугайся. Это всего лишь я — твой добрый компаньон Людвиг, — усмехнулся Моргенштерн.

— Людвиг! Ты жив! Какая радость!

— Может и радость. Да только, видать, не для тебя.

— О чем ты толкуешь?

— Зажги факел, — не отвечая велел наемник. — Я хочу видеть твои лживые глаза.

Бамбер Шульц подчинился. Вновь вспыхнувший огонь осветил полноватую фигуру в одежде городского стража и напуганное круглое лицо под железной шапкой.

— Как дела в нашей лавке, Бамбер? «Пользуется ли спросом товар?» — с издевкой спросил Людвиг Моргенштерн.

— По правде говоря, торговля шла не очень. Лавку пришлось продать. Но я верну тебе деньги, клянусь! — стражник ударил себя кулаком в грудь. — Сейчас у меня их нет, но на днях я проверну одно дельце...

— Вроде сегодняшнего? Прикажешь своим псам загрызть кого-

нибудь в темном переулке за десяток золотых?

— Я тебя не понимаю...

— Брось. Мне все известно. Ты натравил на меня убийц. Помнишь? А зачем сам явился? Не смог уснуть, не повидав мой труп?

— Людвиг, — задрожал голосом Бамбер Шульц, — я бы никогда...

— Довольно! Лучше скажи, как ты узнал, что я вернулся? Ну?

Наемник угрожающе надвинулся на стражника, и тот в страхе признался:

— Я видел тебя у ворот.

— Вот как! Никто из горожан не узнал меня. Только ты... — Людвиг задумчиво посмотрел на бывшего компаньона и с горечью в голосе спросил: — Скажи мне, Бамбер. Зачем?

— Я боялся, что ты будешь мстить, — тихо ответил стражник.

— Ты и вправду думал, что я убью компаньона из-за паршивой лавки? — Моргенштерн разочаровано покачал головой. — Ты глуп, Бамбер. Ну, а теперь...

— Не убивай меня!

— Нет, что ты! Убивать меня шел ты. Интересно чем? — наемник подошел к стражнику вплотную и, обыскивая, похлопал ладонью по его тучному телу. — Ну-ка, что тут у нас? О! Рейтарский пистолет! Взять с собой пистолет в такую сырую погоду! Какая неосмотрительность, Бамбер. Ты все такой же бестолковый торговец, каким и был. Сегодня тебе больше бы сгодился нож. Впрочем, он у меня для тебя есть. Держи.

Людвиг пренебрежительно выбросил в темноту пистолет и протянул стражнику мессер. Бамбер машинально взял.

— Узнаешь? Этот нож ты вложил в руки убийцы. Может тебе он сослужит большую службу, чем прежнему владельцу? — наемник кивнул на телегу, где лежало мертвое тело.

Бамбер, только сейчас увидев труп, приглушенно вскрикнул и выронил нож.

— Бери же!

— Это будет убийство, Людвиг.

— Разве? По мне — так всего лишь поединок, — наемник

подобрал шведское перо и направился к стражнику. Но тут на его пути стал какой-то человек, неожиданно появившийся из темноты. Незнакомый, прячась не то от дождя, не то от людей, закутался в длинный серый плащ, а голову спрятал под капюшоном.

— Чего тебе нужно? — наемник наставил на человека, преградившего ему дорогу, острие пера, но, видимо, узнав его, тут же опустил.

Бамбер стоял, затаив дыхание, уповая на то, что неожиданное, почти чудесное, появление человека в плаще спасет ему жизнь. Стражник видел, как неизвестный что-то вложил наемнику в руку, какой-то предмет, судя по всему, не очень большой. Моргенштерн, взяв этот предмет, с силой сжал кулак и порывисто глянул на человека в плаще. Тот на немой вопрос наемника ответил легким кивком, и тотчас же шагнул в темноту, точно растворившись в ней. Людвиг и Бамбер Шульц опять остались вдвоем.

Стражник с удивлением и надеждой увидел, как поменялся наемник после встречи с человеком в плаще. Мрачное, безысходное выражение покинуло его лицо. Оно стало спокойным и уверенным. Моргенштерн насмешливо глянул на бывшего компаньона.

— Повезло тебе, Бамбер. Сейчас мне некогда заниматься тобой. Придется отложить наш поединок. Ты же не против? У тебя есть еще какое-то время поупражняться в фехтовании. Ты ведь будешь упражняться, Бамбер, и не разочаруешь меня при следующей встрече?

Бамбер Шульц быстро-быстро закивал.

— Вот и славно. Тогда бывай, — махнув рукой на прощание, Людвиг пошел в отцовский дом.

Когда на рассвете наемник оттуда вышел, на его плече лежала пика. Бамбера Шульца, конечно, во дворе уже не было. На земле лежал мессер, который стражник так и не взял. Людвиг Моргенштерн поднял нож и, весело насвистывая, зашагал в сторону ворот.

С первыми лучами воскресного солнца к кафедральному собору стекались пражские богатеи и пражские нищие. Первые торопились купить место поближе к Богу в Царстве Небесном, вторые спешили, чтобы хоть как-то продлить свое существование здесь, в мире земном. Собор всегда притягивал к себе и тех и других, усыпляя совесть богачей и наполняя желудки попрошайек. Люди у храма кланчили деньги, давали деньги, дрались за деньги, превращая святое место в торг с его суетой и беспорядком. Может быть поэтому каменные горгульи, злобно щерящиеся с высоты соборных стен, смотрели с одинаковым презрением и на разодетых вельмож, и на нищих бродяг.

Лишь один человек на соборной площади не участвовал в общей суете. Внешне его, без сомнения, можно было отнести к нищим, но держался он в стороне от собратьев. Основная масса побирушек еще до полудня попряталась от жары в тени собора, этот же сидел прямо под солнцем, скрестив худые ноги и безучастно смотря перед собой потухшими глазами. Если он и принадлежал к цеху пражских нищих, то вряд ли был искусен и удачлив в этом нехитром занятии. Хотя ему не было и сорока, нужда преждевременно состарила лицо, а одежду превратила в лохмотья, едва прикрывавшие грязное тело. Однако милостыню он собирал не в драную шляпу, а в бургиньот, лежавший перед ним. Шлем выглядел вполне прилично, и было непонятно, почему владелец, оказавшись в столь крайней нищете, его не продал.

Проходивший мимо оружейник остановился перед бургиньотом. Мастер узнал свою работу. Переведя взгляд на нищего, он удивленно моргнул.

— Ян? Ян Немец! Ты ли это?

Нищий ничего не ответил.

Ремесленник неуверенно потоптался и пошел своей дорогой. Но тут же вернулся и, стараясь не смотреть в глаза человеку, в котором признал бывшего клиента, сердито бросил в шлем серебряную монету и поспешно удалился.

Нищие издали уग्रюмо наблюдали. Один из них с красным, точно обваренным лицом, шепнув что-то соседу, поднялся и подошел к сидящему на площади оборванцу. Немного постояв в

нерешительности, точно не зная, что предпринять, краснолицый вытащил из-за пояса ржавый нож, с вызовом глянув на владельца бургиньота, начал срезать края своих кривых грязных ногтей. Ошметки чаще всего ложились на землю, но некоторые попадали внутрь шлема и на лохмотья его хозяина. Но тот не обращал на это внимания.

Краснолицый презрительно оскалился, показав гнилые зубы. Бездействие конкурента придало ему смелости.

— Убирайся прочь, ландскнехт! — заорал он. — Ты не один из нас. Мы, — он обвел взглядом ряд попрошаек, — не хотим видеть тебя здесь. Ну?

Ян Немец даже не шелохнулся, продолжая равнодушно смотреть куда-то вдаль. Краснолицему вдруг показалось, что ландскнехт не дышит и не моргает, словно и не человек он вовсе, а статуя или еще кто похуже. Краснолицему стало не по себе. Он трусовато обернулся. Тотчас от стены собора отделились еще двое нищих и подошли к нему. В руках у них были дубинки. Многозначительно кивнув коллегам, краснолицый зашел Яну Немцу за спину и попытался схватить его за шею. Попытался, но не сумел. Статуя вдруг ожила и задвигалась с завидной скоростью. Поэтому рука краснолицего вместо шеи схватила только воздух. В свой черед Ян Немец схватил нищего за его шею и, перебросив через голову, ударил о землю. Затем прижал краснолицего к себе, чтобы использовать его вместо щита против двух других нищих. Но те нападать почему-то не торопились.

Зажатый руками ландскнехта, нищий чувствовал, будто попал в тиски. Нож, которым он недавно стриг ногти, чудесным образом уже перешел к противнику и теперь колот ему подбородок. Краснолицый дернулся, и по ржавому лезвию потекла струйка крови. Нищий побледнел и красноречиво посмотрел на коллег с дубинками. Но те, не сговариваясь, приняли правильное решение и возвратились под защиту соборных стен. Дубинки куда-то бесследно исчезли, точно их и не было.

Остальные нищие тоже не решались вмешаться, хотя, конечно, их симпатии были на стороне бедняги краснолицего. Ян Немец настороженно за ними наблюдал. На площади воцарилась

напряженная тишина, нарушаемая только прерывистым дыханием краснолицего.

Ян Немец услышал, как позади него звякнула монета. Ландскнехт быстро глянул за спину. От бургиньота отходил человек, закутанный в серый плащ. Отшвырнув от себя нищего, ландскнехт достал из шлема монету и, держа ее за края двумя пальцами, поднес к глазам.

— Это был гульден.

Глаза Яна Немца, словно им переданся блеск монеты, вспыхнули. Он поднялся на ноги и гордо распрямылся. И хотя лохмотья на нем, конечно, никуда не делись, теперь никто бы не спутал ландскнехта с нищим. Спрятав монету за пояс, он вытряхнул из бургиньота собранную за день мелочь на камни площади, надел шлем и пошел прочь. Попрошайки с завистью смотрели ему вслед. И только когда Ян Немец исчез из виду, они решились сбегаться к его месту, чтобы, толкаясь и переругиваясь, собрать брошенные им монеты.

— Макс промахнулся!

Собравшиеся во дворе трактира «У медведя» люди с изумлением смотрели на невысокого мужчину с редкими рыжими волосами с мушкетом в руке.

— Этого не может быть, — не поверил Грубер, хозяин трактира. Вытерев вдруг вспотевший лоб, он строго взглянул на человека, стоящего на краю двора с горящей свечой. — Смотри лучше!

— Не попал! Смотрите сами!

Свеча, которую использовали в качестве мишени, пошла по рукам, вызвав удивленные восклицания.

— И правда, не попал!

— Ни царапинки!

— Вот так дела!..

Не удивлялся лишь нюрнбергский купец Блюм. Полчаса назад местная публика во главе с трактирщиком решила над ним подшутить и попутно заработать. Грубер похвастал купцу, что ландскнехт Макс Шефер с двадцати шагов выстрелом из мушкета способен потушить свечу. Блюм, конечно, не поверил, что такое возможно. Не мог же купец знать, что подобный фокус Макс

проделывал уже неоднократно и что наемник был известен всему Дрездену как стрелок, не знающий промаха. Поэтому, когда трактирщик предложил мастерство мушкетера проверить, Блюм охотно согласился. Пospорили на пять золотых, причем купец великодушно был готов признать себя проигравшим, если пуля стрелка хотя бы просто коснется свечи.

Сегодня Макс Шефер промахнулся. Это было событием для местных, но у нюрнбергского купца не вызвало особых чувств, кроме удовлетворения от легкого и неожиданного заработка. Он подождал, пока эмоции зрителей немного утихнут, и потребовал выигрыш. Трактирщик, с упреком посмотрев на стрелка, принялся униженно отсчитывать монеты.

Макс медленно, точно в оцепенении, подошел к двери трактира, дрожащей рукой открыл ее и вошел внутрь.

Среди собравшихся во дворе зрителей были братья Мюллеры. Они знали Макса лучше других и потому больше других поразились его промаху.

— Расстроился бедолага, — произнес Ганс, старший из братьев.

— Еще бы! Я никогда не видел, чтобы он промахивался! — сказал Мартин, младший.

— Ты многого еще не видел, — одернул брата Ганс. — Но тут ты прав. Я тоже не видел.

— Еще не раз увидите! — зло бросил Грубер, проходивший мимо братьев в трактир. — Он же вдрызг пьян! Какой день уже не просыхает.

Средний из Мюллеров, глухонемой Петер, дотронулся до старшего брата и показал на дверь.

— Да, давайте вернемся, — согласился Ганс.

В трактире братья уселись за стол, взяли недопитые кружки с пивом и молча их потягивали, каждый думая о своем. Глухонемой, который допил первым, взволнованно замычал.

— Что случилось, Петер? — с грубоватой нежностью спросил Ганс и повернулся к брату. В руках у глухонемого был гульден. Увидев, что братья смотрят на него, Петер показал пальцем на дно кружки. Ганс и Мартин переглянулись и залпом осушили свои.

В обеих на дне лежали гильдены.

— Похоже, братец, наш отпуск закончился, — заметил Мартин, расплываясь в довольной улыбке.

— Похоже на то, братец, — кивнул Ганс, стряхивая с монеты пивную пену. — Засиделись мы тут.

Возле их стола прошел Макс. До братьев донесся резкий запах вина. Мартин с сочувствием посмотрел вслед стрелку.

— Скажем ему?

— Не надо. Похоже, его не выбрали. Может оно и к лучшему.

Макс Шефер, сменив мушкет на пустую кружку, подошел к трактирщику, но тот отвернулся, словно его не видел. Стрелок, поставив кружку на стойку, понуро поплелся на второй этаж в свою комнату. Макс не платил за нее денег, отрабатывая беспроектными спорами Грубера с постояльцами. Так было до сегодняшнего дня. Теперь, скорее всего, трактирщик велит ему убираться вон.

Когда стрелок вошел в комнату, оказалось, что там его ожидали.

— Ты промахнулся, Макс Шефер, — сказал сидящий за столом бледный мужчина с бесцветными глазами. Незванный гость был одет в черную мантию, подбитую красным бархатом. На широкой груди лежала тяжелая серебряная цепь.

Макс, не отвечая, подошел к столу и сел напротив гостя.

— Помнишь наш уговор, ландскнехт?

Стрелок кивнул.

— Я пришел за оплатой.

Макс продолжал молчать. Ему уже было все равно. Он устал от ожидания этой минуты.

— Ты не просишь отсрочки?

Макс поднял голову и с ненавистью посмотрел на гостя.

— Нет, — твердо ответил стрелок.

— Ты был одним из лучших моих слуг, — с сожалением сказал мужчина в мантии. — Ладно, покончим с этим.

Тут он увидел, что стрелок, его не слушая, смотрит на поднос, стоящий на столе. Мужчина в мантии глянул тоже. На подносе лежал гильден.

— Даже так? Любопытно, — о чем-то размышляя, он взглянул на Макса. Ландскнехт с холодом в сердце увидел, что глаза его гостя изменились. Теперь их словно залила тьма, превратив в две бездонные дыры. — Хорошо. Я дам тебе то, чего ты не просишь. Я дам тебе еще время. Выполни это, — сказал мужчина в мантии, прижав костлявым пальцем монету.

— И тогда ты освободишь меня? — с загоревшейся надеждой спросил Макс.

— Нет, — сразу же ответил его гость. — Впрочем, не знаю. Может быть, — тут он с неодобрением осмотрел стрелка и приказал ему: — Возьми и выпей.

Он протянул ландскнехту бокал с каким-то кроваво-красным напитком. Стрелок его выпил. Туман в глазах рассеялся, Макс почувствовал, как руки приобрели прежнюю твердость, а глаза зоркость.

Незванный гость, не простившись, вышел за дверь. Но сидящие на первом этаже посетители трактира, все до единого, могли поклясться хоть на Библии, что никто в черной мантии в тот вечер по лестнице не спускался.

Хозяин мясной лавки Альфред Вагнер рубил ножом мясо, когда услышал стук в дверь. Не отрываясь от работы, мясник велел своему работнику Вильгельму Бауэру, двухметровому великану по прозвищу Молчун, открыть засов. Молчун вытер громадные руки о фартук и открыл дверь, впустив в лавку человека в сером плаще. Посетитель откинул капюшон, явив юное безусое лицо, от которого веяло молодостью и дружелюбием. Но Вагнер при виде его помрачнел. Молчун, напротив, приветливо улыбнулся.

— Будь здоров, Гюнтер, — ворчливо не то поздоровался, не то спешил попрощаться мясник. Этот внезапный визит вызвал у Вагнера смутное беспокойство. Хотя, быть может, Крейцер всего-навсего прислал юношу за свежей партией мяса. Но нет. Гюнтер уже протягивал мяснику гульден. С явной неохотой Вагнер взял его и потряс рукой, точно монета жгла ладонь.

— И ты возьми, Вильгельм, — сказал юноша Молчуну, с